

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
БАНДИТСКИЙ
ПЕТЕРБУРГ

ПО СЧЕТАМ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К65

Серия «Бандитский Петербург»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Константинов, Андрей Дмитриевич
К65 По счетам / Андрей Константинов. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 349, [1] с. (Бандитский Петербург).

ISBN 978-5-17-119133-7

Всем, кто смотрел легендарный телесериал «Бандитский Петербург», небезынтересно будет узнать, что один из ключевых персонажей фильма — старый вор по прозвищу Юрка Барон, блестяще сыгранный Кириллом Лавровым, — в молодости прошел через невероятнейшие жизненные испытания, которые в итоге и предопределили его трагический конец. А начиналось все еще в довоенном Ленинграде, когда подросток Юра был пионером, мальчиком из интеллигентной семьи. И его судьба могла сложиться совсем по-другому, кабы не крестный его матери, некогда персональный шофер самого Ленина, имевший неосторожность написать исключительно крамольную по тем временам рукопись...

Итак: 1962 год. Барон сумел не только разыскать сестру, с которой они расстались еще в ленинградскую блокадную зиму, но и обрести любимую женщину. Казалось бы, теперь самое время завязать с уголовным прошлым и начать жизнь с чистого листа. Однако обстоятельства складываются так, что Барон идет на новое преступление, не подозревая, что это — ловушка, умело расставленная сотрудниками ленинградского уголовного розыска.

«ПО СЧЕТАМ» — новая книга Андрея Константинова. По мотивам этого романа, а также романов «Юность Барона. Потери» и «Юность Барона. Обретения» снят телесериал «Экспроприатор», премьера которого с успехом прошла на «Первом канале» в августе 2019 года.

© Андрей Константинов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

Слава богу, завтра выходной. Два последних дня Ирина провела словно в тумане, не в состоянии сосредоточиться даже на музейной рутине. Не говоря уже о более серьезных, требующих вдумчивой головы делах. Мысли неизменно возвращались к Юрию. Столь внезапно ворвавшимся в ее жизнь и столь же стремительно из нее исчезнувшему.

Лишь теперь, запоздало, на расстоянии, Ирина осознала подлинную ценность их мимолетной встречи. А осознав — ощутила себя настоящей богачкой. Нет, она не питала заоблачных иллюзий по поводу возвращения Юры. Но, странное дело, все равно была ему благодарна: за душевный вечер, за волшебную ночь, за утреннее пробуждение вдвоем. За подаренную возможность наслаждаться самой мыслью о том, что наконец появился на свете человек, которого любишь. Как это сладостно — знать, что отныне такой человек существует не в одних твоих заневестившихся мечтах, но и во плоти. И тебе было с ним хорошо. И ему, хочется верить, тоже. Мечты — штука эфемерная. Зато вполне осязаема надежда, что укрепляет душу и придает сил для ожидания новой встречи. А если ей все-таки не суждено состояться, что ж... Она поймет, примет и это. Ах, если бы только...

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Сегодня утром, проснувшись, Ирина долго лежала в кровати, все еще пахнувшей ИМ, и размышляла о том, что, если случившаяся близость обернется зачатием, она не станет ни секунды раздумывать и оставит ребенка. Более того, она уже желала его.

В половине шестого, сдав помещения уборщице тете Глаше, Ирина вышла из музея и направилась в сторону кинотеатра. Не то чтобы ей так уж хотелось посмотреть какой-нибудь новый фильм — тошно было возвращаться домой. В пустую квартирку, где тебя никто, кроме дежурных хлопот, не ждет. Так что пусть готовка и постирушка поскучают до завтра, а сегодня Ирине захотелось немного отвлечься, развеяться.

Давали картину «Сорок девять». Название — ни о чем, но на рукописной афише красовалось море. Правда, в столь топорном и аляповатом исполнении, что Ирина даже поморщилась. А еще некстати вспомнила висящий в спальне Ольгин пейзаж. «Если бы не рисунок, в тот день Юра мог бы остаться со мной», — кольнуло ревнивое. Гоня крамольные мысли, она прошла в кассу и купила билет на ближайший сеанс.

Фильм оказался про легендарную четверку — Зиганшин, Поплавский, Крючковский и Федотов. Про то, как 49 дней четверо молодых советских солдат дрейфовали на барже, унесенной штормом в Тихий океан.¹

¹ Позднее Зиганшин расскажет, что на самом деле трагическая эпопея длилась 51 день. Но на момент описываемых событий цифру «49» озвучил Никита Хрущев, и никто в ту пору не решился его поправить.

Оставшись практически без воды и пищи, все это время ребята мужественно боролись за жизнь: когда закончилась картошка, сварили ремешки от часов и от гармони, потом в пищу пошли сапоги... Два года назад эта история прогремела на весь мир, а у себя в стране парни долго, пока в космос не отправился Гагарин, ходили в национальных героях. Ирина помнила, как уже на следующий день после выхода в «Известиях» очерка «Сильнее смерти» страница со статьей была безжалостно вырвана из музейной газетной подшивки и унесена кем-то из посетителей. А вскоре ученики ее изостудии, возвращаясь с занятий, горлопанили: «Зиганшин — буги, Зиганшин — рок! Зиганшин съел второй сапог». Но вот сам по горячим следам снятый фильм разочаровал. Хотя актеры играли неплохо.¹ Возвращаясь после сеанса домой, Ирина размышляла о том, что в реальной жизни наверняка все было гораздо страшнее. И не столь благостно-патриотично, как на экране.

Как именно это было, мог бы рассказать Юра, переживший страшную блокадную зиму. А еще — ее ученица и, как теперь выяснилось, его сестренка Оленька. Точнее — могла бы. Если бы Бог, либо некто, равный по могуществу, в свое время не смилостивился и не избавил ребенка от большей части самых кошмарных детских воспоминаний...

¹ Премьера фильма состоялась 15 марта 1962 года. Довольно быстро он ушел из проката, а когда в начале 1970-х режиссер Генрих Габай эмигрировал в Израиль, фильм и вовсе оказался на полке. Копия не оцифрована — в наши дни увидеть фильм почти нереально.

* * *

В Галиче темнеет рано, а с уличным освещением вечные проблемы. Вот и этим вечером на улице Подбельского горел лишь фонарь возле магазина. И как раз в его мягком электрическом свете, к ужасу своему, она различила фигуру амбала — того самого хулигана из шпанской троицы, что прицепилась к ним на берегу озера.

Ирина замедлила шаг, тревожно обернулась — ни единой души, звать на помощь некого. Меж тем амбал недвусмысленно перегородил ей тропинку к дому, до которого оставалось каких-то двадцать метров, и Ирина почти физически почувствовала, как душа ее, ища спасения, сиганула в пятки.

— Вы всегда так поздно домой возвращаетесь?

— А вам какое дело?

— Лично мне — никакого. С вами хотят поговорить.

— А вот я не желаю ни с кем разговаривать. Дайте пройти!

В следующую секунду со скамейки, на которой в дневное время томились бабки, ожидающие подвоза в магазин свежего хлеба, поднялся еще один мужчина.

Этот был много старше и не столь пугающей наружности. Когда он оказался под фонарем, подсветившим лицо и седовласую шевелюру, Ирине показалось, что этого человека она где-то видела. Но когда и при каких обстоятельствах — не вспомнила. Да и времени на раздумья не было.

— Или вы сейчас же уйдете, или я начну кричать!

Эту угрозу она произнесла чуть менее тревожным голосом: слегка успокоило появление седовласого, несшего в руках совершенно мирный предмет — букет кричаще-алых гладиолусов.

— Добрый вечер, Ирина Петровна! Умоляю, не пугайтесь. И — тысяча извинений за неожиданный и столь поздний визит.

— Добрый. А разве мы с вами?..

— Исключительно заочно. Я, признаться, люблю захаживать к вам в музей. Правда, это случается не так часто, как хотелось бы. Меня зовут Георгий Сергеевич.

— Чем обязана?

— Я хочу принести вам и многоуважаемому Барону извинения за безобразную выходку, второго дня учиненную этим оболтусом и его, с позволения сказать, спутниками. К сожалению, те двое в настоящий момент находятся на амбулаторном лечении. По известным вам причинам. И лишь потому не смогли присоединиться.

— И слава богу,— буркнула Ирина.

— Это вам.

Седовласый галантно вручил ей букет.

— Спасибо, конечно. Но... Я не вполне поняла... Про барона?

— Прошу прощения. Разумеется, я имел в виду Юрия Всеволодовича. Вы, часом, не в курсе: не собирается ли он в ближайшее время снова побывать в наших краях?

— Нет. Я не в курсе.

— Да-да, вы совершенно правы, Ирина Петровна. Мой вопрос абсолютно бестактен. И все же: если он вдруг объявится, не сочтите за труд передать мою просьбу?

— Какую?

— Передайте, что я буду душевно рад засвидетельствовать ему свое почтение лично.

— Хорошо, если случится такая возможность, я передам. Только... как он в таком разе сможет вас найти?

— Вы знаете шашлычную «Кавказ»?

— Знаю.

— Прекрасно. Юрию Всеволодовичу достаточно подойти туда и справиться за Непоседу. Так меня зовут... хм... близкие друзья. Заранее вам благодарен. А теперь — доброй ночи. Еще раз простите, что потревожили. Сеня, метнулись. У нас еще полно дел.

В мгновение ока тревожная парочка растворилась в темноте. Так, словно ее и не было вовсе. И только шикарный букет красноречиво доказывал обратное. В глубокой задумчивости она добрела до своего дома и, обернувшись, юркнула в подъезд... Интересно, откуда в их захолустье у Юры сыскался столь любезный почитатель? Помнится, на ее вопрос о профессии он ответил, что работает внештатным корреспондентом в одной из ленинградских газет. Причем ответил без особого энтузиазма и быстро сменил тему. Получается, скромничал? Если даже в Галиче нашлись люди, для которых его имя не пустой звук? А она-то, дурочка, строила из себя бог весть какую интеллектуалку. Ай как стыдно! Ирина решила, что завтра, покончив с неизбежным домашним, обязательно сходит в библиотеку и полистает подшивки ленинградских газет. Надо же встретить любимого мужчину во всеоружии, когда он... Если только он...

— *Вы, часом, не в курсе: не собирается ли он в ближайшее время снова побывать в наших краях?*

— *Нет. Я не в курсе.*

Рассказывает Владимир Кудрявцев

Как и предполагал, коллегия затянулась до позднего вечера. Предчувствуя нечто подобное, утром я предусмотрительно забрал с дачи командировочный тревожный чемоданчик. Так что перед поездом оставалось

лишь заехать в Елисейский, дабы прикупить столичные презенты: пять армянских звезд для Пашки и коробочку бабаевских шоколадных для его семейства.

Коллегия прошла нервно. Протокольно зафиксированное по ее итогам планов громадьи выглядело неоднозначно и вызывало массу вопросов. Но сейчас мне предстояла поездка в Ленинград, проходившая, как ни крути, по разряду полуотпускной. Так что я решил задвинуть всё служебное на второй план. Безусловно, я подумаю об этом, и крепко подумаю. Но — позже. А пока...

А пока, отпустив машину, бодренько припустил через просторные залы здания Ленинградского вокзала на перрон, отыскал свой вагон и, предъявив билет суровой проводнице, зашагнул в тамбур. М-да... давненько я не позволял себе удовольствия неспешного чих-пыханья. В последние годы все больше самолетами перемещался. Во времени и в пространстве.

Я толкнул дверь купе — и в нос тотчасшибанул густой аромат шипра. Каковой все равно не мог до конца перешибить еще более густого алкоамбре. Оба запаха источал мой ночной попутчик — невысокий, плотно сбитый мужчина возраста вокруг да около пятидесяти. При полном параде: костюм-тройка, галстук, до блеска начищенные туфли. Под столиком — пузатый, крокодиловой кожи, дефицитный портфель. На столике — бутылка шампанского и плитка шоколада «Аленка».

«Классический номенклатурщик», — машинально определил я. Но, как вскоре выяснилось, ошибся. И то была одна из редких разновидностей ошибок — тех, что во благо.

Мужчина окинул меня быстрым, внимательным взглядом и немного разочарованно констатировал:

— В который раз святая Кэри, спеша ко мне, ошиблась дверью... Я так понимаю, вы мой сосед сверху?

— Он самый.

— Что ж, шанс улетучился, но повод остался. Давайте знакомиться. Михаил Васильевич. Пенсионер.

— Владимир Николаевич. Служащий.

— Воевали?

— Разумеется.

— Значит — споемся. Да не маячьте вы у трапа! Располагайтесь, оживайтесь. До восьми склянок еще плыть и плыть.¹

— Благодарю. А можно нескромный вопрос?

— Да хоть два.

— Кто такая эта Кэри? С которой вы снова разминувшись?

— Существует предание, что к некоторым морякам однажды ночью является святая Кэри и крепко целует их во сне. «Поцелованный святой Кэри» — так на британском флоте именуют счастливых.

Теперь мне все стало понятно. И разочарование, и шампанское с «Алёнкой».

— Рассчитывали на попутчицу, а я спутал вам все карты?

— Ваша прозорливость делает вам честь. Ну да нет худа без добра. Теперь можно расслабиться и расслапноваться. Владимир Николаевич, вы не будете шокированы, если я переоденусь при вас?

— Да ради бога.

¹ На протяжении многих десятилетий «Красная стрела» традиционно прибывает в столицы в 7:55. А в 8:00 на надводных российских кораблях 1-го и 2-го ранга отбивают восемь склянок (четыре двоянных удара в корабельный колокол).

Михаил Васильевич потянулся за портфелем, и через пару минут полный парад сменился тренировочными штанами с оттянутыми коленками, тельняшкой и шлепанцами на босу ногу, преобразив моего попутчика совершенно.

— Ф-фу! Совсем другое дело. Без морского узла на шее.

— Я тоже галстуки терпеть не могу. Да и правильно завязывать толком так и не научился.

— Для этих целей существуют жены или любовницы.

— Как-то, знаете ли, не обзавелся. Ни тем, ни другим.

— Ха! Если по первому пункту еще допускаю, то по второму... Я вас умоляю! С вашим-то мужественным бронзовым профилем и благородно посеребренными висками? Опять же костюмчик. Чехословакия?

— Франция.

— Ого! Как это вас занесло к лягушатникам?

— Служебная командировка.

— Однако! И по какому ведомству нынче такие командировочки отваливают?

— По ведомству МИДа.

— Стоите на страже внешнеполитических интересов СССР?

— Стою. Только, скорее, внешнеэкономических.

В данном случае я работал одну из своих официальных легенд. Ибо мидовские корочки работника отдела экономического сотрудничества с западноевропейскими странами, причем вполне легальные, у меня также имелись.

Михаил Васильевич лукаво, киношно-ленински прищурился и невинно уточнил:

— Чуть менее престижно, зато чуть более выгодно?

Нет, решительно попутчик нравился мне все больше и больше.

Однако же требовалось достойно парировать:

— Насколько я успел заметить, ваша тройка тоже не производства фабрики имени Володарского?

— Угадали. Индпошив. Ленинградский мастер-надомник Клейман. Я, в принципе, мог бы шепнуть адресочек и заветный пароль. Но вам, с вашими внешнеэкономическими возможностями, думаю, без надобности. Кстати, Владимир Николаевич... *Wie stehen Sie dazu, zu trinken? Ich hoffe, dass Sie es nicht schaffen, einen asketischen lebensstil nüchtern sind?*¹

А вот сейчас — удивил так удивил! Фраза была произнесена мало того что на безупречном немецком, так еще и с оттенками баварского диалекта. Одной из вокальных особенностей коего служит то обстоятельство, что баварцы не жалуют схожие с нашим «ё» немецкие звуки «у умлаут», «и умлаут». Как они сами самодовольно заявляют: «Мы вытягиваем губки трубочкой лишь для поцелуев».

— *Sehr gern. Ich bereue, gesündigt.*²

Михаил Васильевич удовлетворенно крякнул. А у меня возникло странное ощущение, что этот рядящийся под моремана-балагура в отставке пенсионер, с его невинными вопросиками и шуточками, не так прост, каким хочет казаться. Мелькнула даже шальная мысль: не подсадная ли утка — этот мой случайный попутчик?

¹ Как вы относитесь к тому, чтобы пропустить по стаканчику? Надеюсь, вы не ведете аскетический трезвый образ жизни? (Нем.)

² С удовольствием. Каюсь, грешен. (Нем.)

Впрочем, это предположение я тут же отмел. Все-таки я, худо-бедно, но профессионал. И пытаться прокачивать меня столь неоригинальным способом, мягко говоря, неумно.

— Вот и зер гут. Как говорится, плохо пить, зная, что язва у тебя в пищеводе. Но еще хуже, если знаешь, что она ждет твоего возвращения дома.— Михаил Васильевич азартно потер мозолистые, вполне себе моряцкие ладони.— Только эту шипучку мы с вами, Владимир Николаевич, употреблять не станем. По счастью, в моем арсенале имеется более достойный двух благородных мужей напиток.

С этими словами он извлек из портфеля бутылку молдавского «Белого аиста», водрузил на стол и посмотрел на меня с плохо скрываемым торжеством.

Но и я не собирался исполнять роль нахлебника, да и реноме МИДа требовалось поддержать. Так что, мысленно извинившись перед Пашкой, я достал из чемодана подарочный «Арагат» и присовокупил к «Аисту».

— Оп-па! Будем считать, один : один.

— Да? А вот в другой системе координат — два : ноль.

— Это почему?

— В моем на две звезды больше.

— Однако! А вы, оказывается, штучка, Владимир Николаевич.

— Это комплимент или оскорбление?

— Комплимент, комплимент. Успокойтесь. Ну что ж... На два пушечных попадания под ватерлинию мы ответим незамедлительной торпедной контратакой. Сви-стать всех наверх!

На сей раз из пенсионерского «крокодила» была выужена палка сырокопченой колбасы производства Останкинского мясоперерабатывающего комбината. И,

узрев ее, я, не удержавшись, расхохотался. Михаил Васильевич выпучился непонимающе, а я все никак не мог остановиться.

Дело в том, что буквально за полчаса до начала коллегии я получил набор в столе заказов: банку индийского кофе, блок болгарских сигарет и палочку финской салями. А поскольку холодильника у меня в кабинете нет, пришлось взять колбасу с собой. В качестве сухого пайка. В общем, когда я достал из чемодана салями, то в приступе неудержимого хохота теперь уже зашелся и мой попутчик.

Позднее я рассказал эту историю знакомому журналисту, начинающему писателю Юлику Семенову. Будучи страстным собирателем всевозможных баек, он тут же записал ее в свой полевой блокнот, с которым никогда не расставался. Пообещав, что обязательно использует в какой-нибудь из будущих книг.¹

Отсмеявшись, Михаил Васильевич катнул в сторону дверь купе и пробасил в коридор:

— Машенька, голубушка! Будьте любезны! Удостоите вниманием двух немолодых, но все еще привлекательных мужчин!

В ответ на призыв заявила проводница. Та самая, что при посадке показалась мне излишне суровой. Теперь ее было не узнать — сама любезность и учтивость.

— И чего желают двое привлекательных мужчин? — кокетливо поинтересовалась железнодорожная стюардесса.

— Они желают слегка злоупотребить. По этой причине просьбишка: нельзя ли организовать нам в каюту

¹ Отчасти схожий эпизод появится в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» (1969).

две порции какого-нибудь зеленого салатика и три... нет, лучше четыре, бутылочки боржому. Только холоденького. И две рюмочки. Если нет хрустальных, можно обычные.

— Хорошо, салат и боржом. Что-то еще?

— Владимир Николаевич, у вас будут иные просьбы-пожелания?

— Пожалуй, нет. Разве что хлеб.

— О! Золотая голова! Машенька, и хлебушка. Кусочков... А, просто буханку принесите.

— Поняла. Рюмки сейчас организую, а потом дойду до буфета.

— Чудесно. А это вам за хлопоты.

Михаил Васильевич сгрэб со стола шампанское и шоколадку и сунул проводнице.

— Ах, ну что вы?! — показно заалела та.— Вы меня балуете!

— Разве вы не в курсе, Машенька, что женщина именно для баловства и создана? Для баловства и для отдохновения воина. А все остальное, как говорил герр Ницше, есть дурость.¹

Проводница отправилась за рюмками, а Михаил Васильевич тем временем ловко свернул голову «Аисту». По всему, ночка обещала быть нескудной.

* * *

Сна и так не было ни в одном глазу. А тут еще кроватная панцирная сетка, растянутая временем и задницами

¹ Михаил Васильевич вольно трактует цитату Ницше из книги «Так говорил Заратустра»: «Мужчина должен воспитываться для войны, а женщина — для отдохновения воина; все остальное есть глупость».